

A young woman with long, wavy blonde hair is the central focus, smiling gently. She is wearing a blue patterned top and a thin necklace. In the background, other people are visible, including a woman with sunglasses to the left and another person to the right. The setting appears to be a sunny resort area with buildings and a clear sky.

Ольга Гудкова

Курортный переполох

Ольга Гудкова

Курортный переполох

«Автор»

2025

Гудкова О.

Курортный переполох / О. Гудкова — «Автор», 2025

Варвара в компании двух подружек красоток отправляется на средиземноморский курорт, чтобы подлечить сердечную рану, вызванную расставанием с молодым человеком - своей первой любовью со времен школы. В первые же дни пребывания в отеле переживания из-за личной драмы стремительно отступили под натиском роковых инцидентов, захвативших девушек в опасный круговорот событий. Чтобы снять обвинения в убийстве аниматора с подруги Альбины, Варвара бесстрашно пускается в собственное расследование. Шаг за шагом ступая по опасному тропе, ведущей к истине, главная героиня осознает, что правилам игры, участником которой она вынуждена стать, следуют не все игроки. Кто ведет свою партию на белой стороне, а кто готов утянуть за собой в опасную тьму, девушке предстоит выяснить. И насколько искренен этот уверенный в себе красавец, не сводящий с Варвары восхищенных глаз, который каждый раз появляется рядом, когда главная героиня оказывается на краю пропасти.

© Гудкова О., 2025

© Автор, 2025

Ольга Гудкова

Курортный переполох

– Вот это да... Это просто кошмар какой-то! – воскликнула я, глядя в красные от слез глаза моей лучшей подруги, которые с мольбой смотрели на меня через решетку комнаты для свиданий турецкого полицейского участка, разделяющую нас. Моя голова никак не могла переварить только что услышанную информацию. То, что Альбину прошлой ночью арестовали по подозрению в зверском убийстве, никак не укладывалось в мое представление об активном отдыхе. Но, видимо, стоит начать рассказ с начала, с обстоятельств, вынудивших нас отправиться в этот роковой тур.

Меня зовут Варвара Птичкина, сколько я себя помню, жизнь особенно не баловала меня сюрпризами. Одним из своих главных невезений, помимо фамилии, конечно, я считаю то, что я умудрилась подружиться в детстве с двумя первыми красавицами школы. К выпускному классу контраст в нашей внешности стал особенно бросаться в глаза. Стоит признать, что на фоне двух блондинок с голубыми глазами, шикарными фигурами и ростом под сто восемьдесят сантиметров, мои сто шестьдесят в купе с глазами цвета болота и пепельными, скорее даже серенькими волосами смотрелись довольно бледно. В добавок, моя фигура все не торопилась округляться и обзаводиться всеми положенными статусу молодой девушки выпуклостями, что, конечно, добавляло мне еще больше расстройств, так как, забегая вперед, могу с грустью констатировать, что и спустя семь лет после окончания школы, я так и не смогла достичь заветных параметров в девяносто – шестьдесят – девяносто. Одного лишь взгляда на нашу троицу было достаточно, чтобы все без исключения представители мужского пола сразу теряли интерес к моей персоне, и даже, если первый настрой был романтический, он очень быстро перерастал в крепкую дружбу и ничего более. Так что богатой личной жизнью я похвастаться никак не могу, но я быстро смирилась с этой несправедливостью судьбы. Зла никакого на своих подруг не таила, искренне любя их и помогая им во всем без исключения, в том числе и в деле выпускных экзаменов. Ведь они справедливо полагали, что их хорошеньким лобикам совершенно ни к чему приобретать противные морщинки, корпя над учениками, а мне, жизнь которой не пестрела романами, совершенно несложно было выучивать не один, а три варианта заданий. В общем, пока они оттачивали свое мастерство на любовном фронте, я освоила все премудрости шпионского дела в той его части, которая связана с выуживанием и передачей информации, то есть подказок и шпаргалок. На выпускном вечере при выборе королевы школы голоса разделились, и это звание присвоили каждой из моих подруг, наспех нацарапав вторую грамоту, свидетельствующую об этом. Вышла комичная ситуация, так как король – то был один, и они так весь вечер под руку с ним и ходили, причем каждая тянула его в свою сторону. Я же понуро держалась рядом с ними, совершенно никем не замеченная в свете их красоты. Что уж и говорить, каково было мое удивление, когда этот самый король, по имени Антон, едва из актового зала раздались первые аккорды школьного вальса, вдруг умело высвободился из цепких лапок моих подружек и неожиданно пригласил на танец меня. Властно взял за руку и под завистливыми взглядами моих вчерашних одноклассниц и усмешки, изо всех сил старающихся казаться равнодушными, моих одноклассников, вывел на центр танцевальной площадки. Вот когда я вознесла в голове тысячи хвалебных речей маниакальной настойчивости моей вечно одержимой различными идеями мамочки, в том, что она до восьмого класса заставляла меня посещать занятия хореографией. Никаких сверх способностей я на этом поприще не выявила, но усво-

енных уроков вполне хватило, чтобы сейчас не опозориться и достойно кружить в танце, полностью подчиняясь ведущему меня партнеру, и лишь на всякий случай для верности, отсчитывать в голове незамысловатый ритм: «Раз, два, три... Раз, два, три!»

Этому Антону и суждено было стать моим первым и единственным бойфрендом. Сначала, первые два года после школы наши отношения проистекали в стадии вялого конфетно – букетного периода. Постепенно они переросли в большое и светлое чувство, которое продлилось еще семь лет, вплоть до последних событий. Каждый из нас успел окончить институт. Я нашла свое призвание в экономической сфере, он ушел с головой в компьютерные дебри. В общем, учеба позади, в настоящем стабильная работа, а в будущем видны лишь удача и огромные перспективы. Вот тут то в моей голове и стали, словно молоточки, постукивать потаенные мысли, отчаянно требуя огласки. И черт дернул меня податься их голосу и озвучить своему ненаглядному, что, на мой взгляд, нам пора уже узаконить свои отношения и, о, ужас!, подумать о детях. Двух этих таких простых, таких привычных домостроевских предложений вполне хватило, чтобы в двадцатичетырехчасовой срок, мой любимый успел не только исчезнуть из моей жизни, но еще и тщательно стереть все следы, напоминающие о некогда безоблачном совместном прошлом. Мы за все это время так и не стали жить вместе постоянно, он проводил от силы пару дней в неделю в моей квартире, которую я не так давно сняла, устав от жизни с родителями и братом в трехкомнатной малогабаритке. Я оправдывала этот факт его работой, круглосуточным сидением за компьютером, рассеянностью и оторванностью от внешнего мира, но, оказалось, что мой кавалер был вполне доволен текущим положением дел и ни о каком совместном проживании, а тем более семье, даже не помышлял. Мне осталось только поливать слезами в спешке позабытые им скупые свидетельства былого счастья: зубную щетку, пару носков, не совсем свежих, но от этого еще более родных, да футболку, которую я вот уже сутки носила, вдыхая запах любимого. Лишь только весь масштаб трагедии открылся мне, и одиночество тоской наполнило душу, а глаза слезами, я предалась черному унынию. Здравый смысл не покинул меня окончательно, мне хватило ума прежде, чем пуститься в рыдания, позвонить на работу, и сказаться больной, ведь местом своим я очень дорожила и ценила довольно высокую заработную плату, которая полагалась мне там как первому заместителю коммерческого директора. Но уж потом я с чистой совестью, не щадя себя, дала волю стенаниям, страданиям и завываниям. Подруги, все те же две красотки со школьных времен, до сих пор не только не растерявшие былой прелести, но и сумевшие довести ее, посредством тщательного ухода за собой руками косметологов, до пика красоты, именуемого совершенством, не знаю как, но довольно быстро прознали про постигшее меня несчастье, и со скорбными выражениями на лицах немедленно, бросив все дела, слетелись в мою опустелую съемную обитель, чтобы облегчить мои страдания и разделить горе. Облегчали известным способом. Мартини, шампанское, ананасовый сок, пару кубиков льда. Потом, если мне не изменяет память, просто мартини и лед, потом – без льда, потом, кажется, текила в каком-то питейном заведении, а потом, уже совсем в тумане и неразборчиво, но, судя, по заголовку, на скомканном и найденном утром в кармане счете, караоке бар. В плачевном состоянии оказалась я на следующее утро. В голове, после невероятной мозговой работы и сверх усилий всего организма, нарисовались нечеткие воспоминания, где я и весь поющий бар в унисон орали «Да пошел он!», (видимо, остро сопе-реживая моей личной драме), и дурным голосом пели песни из разряда «Пошлю его на...» и прочие бессмертные хиты о женских любовных неурядицах.

К моим страданиям, вместо облегчения, добавилось еще и жесточайшее похмелье, которое, надо отдать ему должное, приостановило мои душевные терзания на некоторое время, так как даже легкая мыслишка не могла прошмыгнуть в моем мозгу, чтобы не вызвать чудовищной головной боли. Следующие сутки я пролежала пластом, мало напоминая живого человека. Перенеся и это испытание, на третий день я опять окунулась в свои горести, залив слезами очередной километр мягких бумажных изделий, скатанных в рулон, которые, если верить

инструкции на упаковке, предназначались совсем не для лица, а для совершенно обделенной интеллектом выпуклой части тела.

Мои верные соратницы не бросали меня и исправно навещали, грустно констатируя, тщетность предпринятых ими попыток, вытащить меня из депрессии. Вот тогда-то одной из них, кстати, зовут ее Альбина, и пришла в голову светлая мысль о смене обстановки и поездке в теплые края. Идея всем показалась удачной тем более, что лето в нашей полосе весьма сложно охарактеризовать как жаркое, а вполне достаточно просто вздохнуть и посетовать на проклятые дожди и ветра.

Одного взгляда усталой продавщице туристических услуг, или, как модно нынче говорить, менеджеру по работе с клиентами известной компании, хватило, чтобы понять, куда отправить двух развеселых красавиц и пришедшую с ними зареванную замухрышку, а именно такой я себя ощущала на их фоне. Так мы и очутились в Турции. Отель, подобранный нашим туроператором, был высшего разряда, и, если верить рекламному буклету, должен был ответить любым, даже самым строгим запросам. Круглые сутки мы могли вкушать всевозможные блюда, запивать их напитками, привезенными со всех уголков земного шара, танцевать на пяти дискотеках одновременно, купаться в десяти бассейнах, нырять в одном очень соленом море и флиртовать со всеми членами внушительной по численности команды аниматоров. Я, как человек, находящийся в эпицентре личной трагедии, лишь равнодушно скользнула взглядом по нарядной обстановке шикарного холла чудо – отеля, совершенно не обращая внимание на широкие приветственные улыбки встречающих нас работников гостиницы. С трудом я дождалась окончания оформительской волокиты и с тяжелым вдохом, наконец, положила свое тело на кровать в светлом, благодаря широченным, во всю стену окнам, трехкомнатном бунгало, всецело принадлежащем нам с подругами последующие десять дней.

– Это что еще за новости? – В притворном приступе гнева накинулась на меня одна из двух моих подружек-соседок Ирина.

– Я прилегла, – не сводя затуманенный слезами взгляд с потолка, ровным голосом проговорила я, всем своим видом выдавая намерение, провести в таком положении все время отдыха.

– Как прилегла, так и встанешь, – пригрозила она, сверкая глазами, и изобразила готовность сбросить меня с кровати, встав в позу тяжелоатлета, готовящегося поднять штангу, только в нашем случае взять ей предстояло не вес, а мое ложе.

– Валяй, – не дрогнув ни одним мускулом, вяло отреагировала я на эту попытку, ожидая, что она признает поражение и откажется от затеи. Но не тут-то было, вдвоем, Альбина и Ира не только умудрились перевернуть кровать, но и поднять ее на такую высоту, что я словно пыльный мешок скатилась вниз на мягкий пушистый коврик.

– Ну, ладно, – я не чувствовала в себе сил, чтобы спорить с ними, понимая, что они от меня не отстанут. «В конце концов, будет проще соблюдать видимость покорности, чем продолжать борьбу, – решила я и, придав голосу элемент бодрости, преувеличенно радостно поинтересовалась, какие будут дальнейшие планы».

Планы были нарисованы весьма радужные. Мои подруги облачились в шикарные бикини, перетянули свои и без того осиные талии парео романтических расцветок, водрузили на головы умопомрачительные шляпы, а на лица стильные солнечные очки и отправились на пляж. Своим видом они, как и подобает девушкам их специальности (а вот уже семь лет, как Ира и Альбина прочно закрепили за собой почетные звания весьма успешных и востребованных в модной и рекламной индустриях моделей), вызывали многочисленные вздохи и полные вождедения взгляды у встречающихся им по пути мужчин. То, что читалось в глазах женского пола, совершенно не смущало моих девочек, а лишь раззадоривало, как еще одно подтверждение их неземной привлекательности. Я изо всех сил старалась не отставать от горделиво вышагивающих моих подружек, но выглядела как гусыня, случайно затесавшаяся в лебединый стаю.

Территория отеля была довольно обширна. Несомненным украшением ее являлись наполненные водой каналы, стилизованные под Венецию, по которым скользили самые настоящие гондолы, и хоть управляли ими не итальянцы, а наши турецкие друзья, этот факт совсем не умалял достоинств этой стилизованной судоходной находки. Совершенно бесплатно, если не считать пяти долларов, выданных на чай мнимому гондольеру щедрой рукой Альбины, которая получила самое большое количество комплиментов за недолгие двадцать минут плавания, мы достигли пляжной зоны, где и происходили все значимые увеселительные мероприятия, запланированные отелем на дневное время. Мы оказались у моря как раз вовремя, чтобы подруги успели присоединиться к загорелой команде волейболистов, причем состоящей исключительно из отборных представителей мужского пола. Я, наконец, была предоставлена самой себе, и смогла устроиться на самом дальнем лежаке под огромным, изображающим пальму, зонтом, где под прикрытием раскрытой книги, спокойно предалась излюбленному страдальческому делу. Солнечные очки надежно закрывали мои вмиг наполнившиеся слезами глаза, лишь только среди страничек я обнаружила тайно вывезенное и сокрытое от моих суровых соседок измятое фото бывшего возлюбленного. Когда, так и не сумев преодолеть искушение, я поднесла к губам замусоленную карточку, чтобы покрыть поцелуями глянцево-лицо героя моего семилетнего романа, неизвестно откуда появилась Ирина. Она нещадно выхватила из моих рук ненаглядный образ, и со зверским звуком, словно нож, царапающим мое сердце, изорвала фотографию на четыре части и быстро вышвырнула в мусорное ведро.

– Что ты сделала? – гневно воскликнула я, уже не скрывая слез.

– Ты мне еще благодарна будешь, – голосом повидавшего жизнь человека произнесла Ира, – потом, – добавила она, для значимости подняв вверх палец.

Я уже готова была предоставить ей тысячу аргументов, свидетельствующих о ее неправоте, но сделать этого не посмела, так как устав от игры с площадки вернулась Альбина, а с нею пять загорелых молодцов – волейболистов, судя по их виду, уже по уши влюбленные в обеих моих подруг. Мое покрасневшее от рыданий лицо, жидкий хвостик, убранный под кепочку, и стилизованный под моду времен молодости моей бабушки купальник, никакого интереса в их глазах не вызвал, а скорее одно лишь сочувствие.

– Познакомься, – беззаботно махнула рукой в сторону мужчин Альбина, – волейболисты, – представила их она. Я кивнула в ответ на их вялое приветствие. Настолько общение с новыми кавалерами воодушевило Иру и Алю, что следующие два часа, что мы оставались на пляже, я могла спокойно пойти и утопиться, а подруги, обнаружили бы мое исчезновение, только, когда полиция бы извлекла перед их изумленными взорами мое разбухшее тело из воды. Наш отдых был стремительно переклассифицирован из разряда лечебно – оздоровительного или даже реанимационного (в моем случае), в любовно – романтический и пенсионерский (последнее относиться к моей персоне). Я поплавала в одиночестве в теплом ласковом море. Потом случайно оказалась в хороводе, который затеяли аниматоры из мини-клуба, развлекающие детишек, и изображала пальму, которую наряжали загорелые малыши. С трудом высвободившись из их веселого круга, я укрылась в приятной прохладе бара, затерянного к стороне от пляжной зоны. Там меня встретил белозубый бармен, очень восточной наружности, о чем свидетельствовали в первую очередь темные волнистые волосы, большой, мясистый нос, обильная растительность на оголенных участках тела и полная готовность тут же предаться любовным утехам, написанная в горящих, маслянисто – шоколадных глазах. Не избалованный из-за удаленности его заведения вниманием посетителей, он стремительно обрушил на меня сокрушительную силу своего обаяния, и я, чтобы прекратить наше, становившееся очень навязчивым с его стороны знакомство, согласилась на коктейль по его фирменному рецепту. Пить его полагалось в присутствии изготовителя, что я и сделала, практически на одном дыхании в три огромных глотка опорожнив приличных размеров бокал, в котором бармен, видимо, совершенно не обеспокоенный вопросом совместимости напитков, соединил, на мой неискушенный

вкус, весь алкогольный ассортимент его витрины. Без труда изобразив благодарную улыбку, которая, по всей видимости, автоматически посещала дегустатора этого термоядерного пойла с последней выпитой каплей, я полезла было за деньгами, но он радостно напомнил главный принцип работы отеля, гласящий, что «все включено» и платить не надо. Я на неверных ногах сползла с высокого стула и сделала попытку отправиться восвояси, под мой спасительный зонтик. Сделать это было нелегко. Тело мое покрыла испарина. Голова, вынырнув из прохлады бара, поплыла под палящими лучами нещадного солнца. Я ощутила какую-то сумасшедшую легкость во всех частях своего тела, даже попыталась присоединиться к продолжающим сражаться в пляжный волейбол, но, после трех, давших мне не без некоторых усилий шагов, я растянулась во всю длину своего невыдающегося тела и захохотала во все горло. Все эти манипуляции происходили со мной независимо от моего желания. Ноги мои шли туда, куда хотелось им. Руки – пощипывали, хватали и слали воздушные поцелуи, совершенно не подчиняясь старавшемуся сохранять приличия и вяло командующему прекратить безобразие мозгу. Как в тумане заметила я вдалеке двух ослепительных блондинок, весело смеющихся шуткам десятка молодцов, сражающихся за их внимание, не сразу опознала я в них своих подружек. Сменив направление в сторону своего лежака, я после двух шагов по неопределенной траектории опять завалилась под одобрителные смешки праздно наблюдающих на мной постояльцев отеля. Я постаралась подняться и встала на четвереньки, в этот момент перед моим взором оказались две мужские ноги, ступни которых были обуты в кожаные шлепанцы. Проследовав взором по высоте довольно длинной ноги, я предпочла отвести глаза, едва заметила краешек плавательных и, по всей видимости, очень коротких шорт. Но, как известно, пьяному море по колено, поэтому вместо того, чтобы извиниться и отползти в сторону, я выбросила вверх свою руку с растопыренными пальцами и представилась моему неожиданному препятствию на пути:

– Варвара, – бодро сказала я и дополнила знакомство звучным иком, полностью выдающим мое не вполне адекватное состояние.

– Александр, – с коротким смешком назвался он в ответ и дернул меня вверх за протянутую руку. Наконец, я оказалась в вертикальном положении и стояла не на коленях, а на ногах, чему несказанно обрадовалась.

– О, какой вы силач, Саша, – польстила я неожиданному помощнику, и приготовилась продолжить свой нелегкий путь, но равновесие меня опять покинуло, и я вновь повалилась на песок. Я мелко и даже как-то истерически захихикала, а мой спаситель, грустно вздохнув, наклонился, поднял меня на руки и понес в неизвестном направлении. Краем глаза я успела отметить, что мои соседки, продолжают весело болтать со своими кавалерами, совершенно не замечая, что их лучшую подругу, находящуюся в неадекватном состоянии, куда-то волочет неизвестный великан.

«Ну и пусть, – мстительно подумала я, – вот он меня убьет, а вам стыдно будет!»

Это меня немного успокоило, и я покорно обмякла в надежных руках моего носильщика. Когда мы удалились на приличное расстояние от пляжа, я затребовала отнести меня в бар, завопила во все свое пьяное горло, что мне просто необходим освежающий глоток шампанского и даже принялась колотить своими маленькими кулачками по спине моего силача для убедительности. Он обреченно исполнил мою просьбу и с облегчением опустил меня на стул первого, попавшегося нам на пути заведения. Потом развернулся с намерением покинуть меня с чувством выполненного долга. Я равнодушно пожала плечами и, мигом забыла о своем новом знакомом, переключившись на официанта, которого я тут же жестом подозвала и потребовала немедленно принести мне самое холодное и вкусное шампанское. В роли этого напитка выступала какая-то приправленная спиртом шипучка. Увидев мое искривленное по этому поводу лицо, официант кинулся извиняться за низкое качество этой жидкости местного производства, но ничего другого, похожего на шампанское, у них просто не было. Я благосклонно махнула рукой, и стала поглощать то, что уже принесли. На самом деле, мне было абсолютно все

равно, что пить после коктейля, попробованного мною в уединенном баре на краю пляжа, благодаря зверской смеси алкоголя в котором, со мной сейчас и происходили все эти пьяные метаморфозы. Несмотря на свое бедственное по части восприятия реальности положение, я все же ощущала какую-то неслыханную легкость, едва первые признаки опьянения стали проявляться в моем организме. Я на каком-то подсознательном уровне почувствовала, что исконно мужицкий способ топить горе в вине, очень мне подошел и принес, пусть и временно, заметное облегчение. Мысли о бывшем возлюбленном отошли в ту часть сознания, которая сейчас мной совершенно не затрагивалась, я находила в себе силы забыть о своей личной трагедии. Анализировать, куда может довести меня этот пьяный угар, я была не в состоянии, поэтому преспокойно предалась дегустации неудачной пародии на шампанское, совершенно не беспокоясь, как выглядит со стороны мое поведение, и я сама, кстати, тоже. В баре посетителей практически не было, если не считать ненадолго забредающих выпить чего-нибудь холоденького по дороге с пляжа отдыхающих. После несметного количества опорожненных мною бокалов, мое горе вдруг всплыло на поверхность из моего замутненного алкоголем сознания, и я в миг ощутила непреодолимое желание с кем-нибудь об этом поговорить. Но в поле моего зрения никого, кроме скучающего у стойки бара официанта, не было. Бубнить самой себе под нос не хотелось, поэтому я предпочла прокричать ему через весь бар.

– Послушайте, мужчина, – моя голова покачивала из стороны в стороны, настолько была расслаблена шея, – вот вас когда-нибудь бросали? – Подняла я глубоко волнующую меня тему. Видимо, обреченный быть моим собеседником официант, не знал русского языка, поэтому он широко улыбнулся и подошел ко мне с бутылкой, чтобы освежить бокал. – Это хорошо, – благодарно кивнула я (со стороны кивок выглядел так, словно моя голова оторвалась от шеи и резко дернулась вниз, остановленная последней, оберегающей ее от падения, жилкой). – Ну, ты хоть послушай меня, – остановила я его, тронув за рукав, – сядь, – пьяно скомандовала я, заметив, что он непонимающе пучит на меня глаза. Он покорно опустил на стул. Успокоенная я принялась изливать ему свои сердечные раны. Он кивал, делал очень сердобольный вид, гладил меня по голове, протягивал салфетку – вытереть слезы, в общем, я и сама не знаю, как так получилось, что из бара мы ушли вместе с ним, по-моему, в его номер, или как там называется место, в котором проживает обслуживающий персонал.

Солнечный свет причинял нестерпимую боль даже сквозь веки, закрывающие мои глаза. Я поморщилась и со стоном села в кровати, закрыв лицо руками, чтобы спрятаться от этого невыносимого сияния дня, пробивающегося сквозь окна. Постепенно, сквозь щелку, образовавшуюся между моими пальцами, я робко обвела взглядом комнату. К своему ужасу, я не находила ничего похожего на то бунгало, в которое мы накануне вселились с подругами. Я почувствовала, что внутри у меня все сжалось от страха, так как последним воспоминанием, чудом сохранившимся у меня в голове, было ухмыляющееся лицо официанта из бара, которое, что-то приговаривая на тарабарском, то есть непонятном мне языке, стремительно надвигалось на меня, похоже намереваясь поцеловать.

Фу! Меня затошнило, я все бы сейчас отдала, лишь бы эта картина была лишь плодом моего воображения. Волна омерзения и резкого порицания моего вчерашнего поведения затопила меня. Я привыкла всегда смотреть в лицо неприятностям, поэтому, сделав над собой невероятное усилие, я резко отвела руки от лица и посмотрела на вторую половину моего ложа, чтобы оценить масштабы своего вчерашнего грехопадения и, собственно, увидеть того, с кем я переступила черту. Так как в памяти от образа официанта осталось лишь мутное пятно без опознавательных знаков, хотя, замерев и прислушавшись к себе, по своим внутренним ощущениям в теле – никаких признаков бурной эротическими подвигами ночи я не находила. Должна сказать, что я испытала заметное облегчение, обнаружив, что, кроме меня, в кровати других особей не было. Конечно, это еще не опровергало мои мучительные подозрения, но вселяло

большую надежду. Тогда я подняла тонкое одеяло и с радостью констатировала, что спала я в купальнике, потом перевела взгляд в сторону и увидела свое пляжное парео, небрежно пристроенное на кресло возле кровати. Я вздохнула и, мобилизовав все силы, чувствуя жуткую головную боль, дурноту и ужасный кислый привкус во рту, покинула свое ложе, взяла парео, которое тут же обмотала вокруг своего тела, создав подобие летнего платья. Пошатываясь, я покинула спальню с намерением немедленно бежать в свое спасительное бунгало и не выходить из него до самого окончания отпуска. Номер, в котором я ночевала, был двухкомнатный, и, судя по обстановке довольно роскошный, что меня сильно удивило, уж очень не соответствовало богатое убранство комнат должности того официанта, с которым я подозревала себя в позорной интимной связи. Мне не удалось, как я ни старалась, уйти незамеченной. В смежной со спальней гостиной, я увидела неизвестного мне, но очень кого-то напоминающего мужчину, который тут же покинул балкон, едва мой мятый и похмельный образ возник в дверях, и, широко улыбаясь, подошел ко мне.

– Доброе утро, – очень громко, как показалось моему больному мозгу, поприветствовал он меня.

– Кому доброе, – недовольно пробурчала я в ответ, стораю со стыда и глядя исключительно себе под ноги.

– Ну, что вы, Варвара, – он взял меня за руку и немного потянул, приглашая присесть на диван, – не надо сердиться, все в порядке. Я, наконец, пересилила себя и подняла на него глаза. С удивлением я обнаружила, что моим собеседником является не вчерашний официант, по крайней мере, лицо этого мужчины совершенно не похоже на то, которое надвигалось на меня в моей памяти с намерением поцеловать. Я совершенно не понимала, что я делаю в номере этого красавца с яркими синими глазами, волнистыми волосами, цвета золотистой соломы, который улыбался своими чуть полноватыми, жутко сексуальными губами, смотря мне прямо в лицо, да так широко, что его ослепительно белые зубы блестели, отражая солнечные лучи. Пока он шел по направлению ко мне, его могучий, почти исполинский рост шевельнул во мне какие-то воспоминания, но уцепиться за них я никак не могла. В голове заметалось еще одно чудовищное предположение, что официант – не последний мой кавалер за истекшие сутки, а значит, о господи?! Мои глаза округлились и выпучились от ужасной догадки, что за один вечер я, по всей видимости, как минимум дважды пускалась во все тяжкие. Я почувствовала, что еще минута и я упаду без чувств, прямо к ногам, смотрящего на меня с широкой улыбкой, хозяина номера. Он заметил мое нехорошее состояние и протянул стакан воды, который странно шипел.

– Пожалуйста, – мягко проговорил он, с усилием усаживая меня на диван, – это вода с аспирином, вам сразу станет легче. – Я покорно взяла предложенный бокал и жадно осушила его. Мужчина отвел глаза в сторону, чтобы не смущать меня своим вниманием.

– Спасибо, – я с легким стуком поставила стакан на стеклянный стол и сделала попытку подняться. Но ноги мои были все еще словно ватные, поэтому мне пришлось задержаться на диване.

– Извините, – я чувствовала себя полной идиоткой, – а как вас зовут? – Произнесла я на одном дыхании, при этом покраснела как рак, и растянула свои губы в виноватой улыбке. «Дура, пьянь, идиотка, – и так еще раз сто подряд ругала я себя мысленно. Мне немедленно хотелось бежать не только из этого номера, но и из этой чертовой страны, которая вместо облегчения моим прошлым страданиям, добавила мне кучу новых проблем».

– Саша, – просто сказал он. – Давайте начистоту, Варвара, – он легко тронул меня за плечо, – с какого момента вам рассказать про ваши вчерашние подвиги. – Он, видимо, изо всех сил держался, чтобы не рассмеяться, за что я ему была очень благодарна. – Ну же, не стесняйтесь, – подбадривал он меня.

– Какой кошмар, – выдохнула я и отвернулась. Потом набрала побольше воздуха в легкие, собралась с силами и выпалила. – Я помню бар, ужасный коктейль, потом чьи-то ноги в кожаных сандалиях, дальше, кажется, был еще какой-то бар... – Про официанта я не смогла признаться, поэтому чуть соврала, – больше ничего.

– Не так мало, – он все-таки не сдержал улыбки, но быстро вернул лицу участливое выражение. – Начнем по порядку. Ноги в сандалиях, по всей видимости, были мои. Я нашел вас в довольно плачевном состоянии, почти у стен того самого первого, как я предполагаю, бара. Потом вы затребовали отнести вас в еще одно питейное заведение. Я хотел возразить, так как думал, что вам будет лучше отдохнуть в отеле в своем номере, но вы принялись бурно протестовать и я, каюсь, оставил вас одну. – Он с виноватым видом пожал плечами. – Ну вот. Но совесть моя была не чиста, я корил себя, что бросил красивую девушку один на один с выпивкой и никак не мог спокойно наслаждаться морем, солнцем и прочими прелестями курортной жизни. – В этот момент даже мой похмельный мозг отметил брошенный вскользь комплимент моей внешности, и я несколько приободрилась. Тем временем Саша продолжал позорящий меня рассказ. – Так что, где-то через час я не выдержал и пошел проверить, все ли у вас в порядке. Видимо, я оказался у бара как раз вовремя, чтобы остановить какого-то работника этого заведения, который почти тащил вас в сторону корпуса, где проживает обслуживающий персонал. Я подумал, что, наверное, это не ваше решение идти с ним, а его желание воспользоваться ситуацией спровоцировало ваш совместный уход, поэтому остановил его и представился вашим мужем. Он испугался и тут же сбежал. Я так и не смог добиться от вас номера вашей комнаты, поэтому принес в свою, уж извините, где вы моментально уснули. – Он закончил повествование и тактично отошел к окну, чтобы переждать, по всей видимости, пока помидорного цвета краска стыда, залившая всю мою шею и лицо, хоть немного схлынет, хотя бы до поросячьего оттенка.

– Э... – я никак не могла заговорить, – в общем, спасибо большое. Извините меня, пожалуйста, я вам столько неудобств причинила. – Я вскочила с дивана и попятилась в сторону двери, все еще продолжая на ходу лепетать нелепые извинения, да еще кланяться при каждом покаянном слове головой, словно гейша, покидающая своего господина.

– Все нормально, – как заведенный повторял он. Думаю, что он испытал не меньшее облегчение, чем я, когда, наконец, остался в одиночестве в своем роскошном номере.

Короткими перебежками я побежала от его дверей в поисках лифта, который, как назло, нашелся не с первой попытки, и я раз пять пронеслась мимо номера моего спасителя, пока не натолкнулась на него самого.

– Привет, – весело бросил он мне, словно старой знакомой, – что-то забыли? – Он предпринял попытку открыть номер.

– Нет, – поспешно остановила я его, просто лифт не могу найти, – обреченно призналась я.

– Пойдемте, провожу, нам по пути, – улыбнулся он и взял меня за руку. Я вздрогнула от прикосновения его ладони, и, как на поводу, поплелась за ним.

– Просто, этот этаж здесь гордо именуется пентхаусом, поэтому лифт, чтобы не портил внешний вид, замаскирован дубовой дверью, – как ни в чем не бывало, объяснял Александр. Минут через пять мы уже спустились вниз и покинули пропитанный прохладой, благодаря мощным кондиционерам, воздух отеля, окунувшись в удушающую уличную жару.

– Я на пляж, – отрапортовал Саша.

– Я в свое бунгало, – после своего позора, мне уже не было смысла создавать впечатление женщины-загадки и скрывать место своего обитания. Тем более, что я решила сегодня же возвращаться в Москву, и никакие доводы моих подруг не могли заставить меня отказаться от этого решения. Лишь только я вспомнила о своих соседках, как меня посетила ужасная

догадка, что они, наверное, решили, что я на самом деле утонула, и сейчас, видимо, прочесывают со спасателями водные просторы в поисках моего раздутого водой тела.

– Еще раз извините меня, Саша, но мне надо бежать, – состроив на прощание виноватую гримасу, я стремглав понеслась в сторону бунгало. Мой спутник, думаю, еще долго провожал меня удивленным взглядом.

Я за считанные минуты преодолела огромный участок территории и, почти вышибив дверь, которая оказалась не заперта, ворвалась внутрь нашего трехкомнатного домика. Как я и ожидала, девчонок нигде не было. Я быстро приняла душ, натянула легкий пляжный сарафан и собралась уже бежать к администратору, чтобы возвращать спасателей, которых я уверена, подняли по тревоге мои подруги, когда в дверях столкнулась с зареванной Ирой, которая, даже несмотря на всю ее красоту, выглядела ужасно, словно до сих пор не ложилась спать. Я почувствовала жуткие угрызения совести, ведь по моей вине она довела себя до такого состояния.

– Варя, – она бросилась ко мне, крепко обвив руками шею. – Какой ужас! – зарыдала она во весь голос.

– Прости меня, – я гладила ее по волосам, увлекая обратно в дом, чтобы не тревожить соседей. – Я сама не знаю, как так получилось. – Начала я оправдываться.

– Так ты все знаешь, – Ира на минуту отстранилась от меня, чтобы взглянуть в глаза.

– Что знаю? – я удивилась, так как не понимала, к чему клонит подруга.

– Ну, про Альку, и убийство, – она опять заревела и зарылась лицом в мои влажные после принятого душа волосы.

– Какое убийство, – почти закричала я, – что случилось? – В моей тяжелой после вчерашних возлияний голове мысли проносились, словно бабки ежки в ступах: тяжело, коряво и медленно.

– Ну, как, – всхлипывая, принялась объяснять Ира. – Мы вчера с ребятами познакомились на волейболе, – я с радостью обнаружила, что хоть это еще помню. – Потом с ними до конца дня и общались. Мы заходили тебя предупредить, но, в номере не застали, а бегать искать было некогда. Мы решили, что ты без нас на ужин пошла. – Извиняющимся тоном сказала она. В этот момент я вспомнила, про незапертую дверь, и уже раскрыла рот, чтобы побранить Иру за легкомыслие и ветер в голове, но передумала, понимая, что лежащего не бьют, а подруга выглядела, как не просто лежащий, а еще и переоденный катком человек. Я почувствовала новый прилив сострадания и порывисто обняла бедную девочку. Она благодарно всхлипнула, вытерла о мое тощее плечо нос и глаза, отстранилась и продолжила. – А потом, сама понимаешь, дискотека и всякое такое. В общем, они, эти волейболисты, специально для нас устроили ночную прогулку на яхте. Было уже очень поздно, и мы не стали возвращаться в домик, чтобы тебя не разбудить и согласились сразу поехать. – Она перевела дух, речь ее все время прерывалась всхлипываниями. Я вытерла ей слезы на лице, но это не принесло никакой пользы, так как оно через секунду стало еще больше мокрым от нового потока влаги, полившегося из ее красивых голубых глаз. От тревожного предчувствия мои ладони стали ледяными, а сердце словно придавил тяжелый мешок. Ира, собравшись с силами, продолжила. – Короче, шампанское лилось рекой, – при этих словах на меня напал чудовищный приступ тошноты, спровоцированный упоминанием названия сгубившего меня накануне напитка. Я очень понадеялась, что подруги, в отличие от меня, наслаждались вчера настоящим шампанским, а не противной шипучкой местного розлива. Я тряхнула головой и сконцентрировалась на словах подруги. – Мы, конечно, не были сильно пьяными, но такие, – она махнула рукой, я сразу поняла, какие и кивнула. – Ну, да, навеселе, – подтвердила Ира мои предположения. «Навеселе» у нас означает, что ходить могли сами и все запомнили. В отличие от меня, продолжала я казнить себя за совершенные ошибки. Ира заметила мою отвлеченность, поэтому дернула меня за руку. Я изобразила полнейшее внимание, она продолжила. – В общем, нас было двое, я и Альбинка,

этих восемь. Но ты не подумай, – поспешила она остановить начинавшие рождаться в моей голове жуткие непристойные предположения. – Мне так никто по-настоящему не приглянулся, поэтому я просто веселилась и ничего критического не совершила, – успокоила она меня. – А вот у Альбинки, еще на волейболе наметился роман, и остаток вечера она ни на шаг не отходила от Али, а он от нее. – При этих словах я с удивлением уставилась на подругу. – Ну, что ты так на меня смотришь?! – Возмутилась Ира. – Что Алька, не человек? Пусть встречается, с кем хочет, – целиком вступилась она за подругу. Я, конечно, возражать не стала, но в душе очень удивилась. Так как мне внешность турецких, да и вообще восточных мужчин никогда не импонировала. Но, не мне судить Альбину, особенно после того, как я сама, чуть не оказалась в объятиях официанта.

– Нет, нет, я не сужу, просто удивилась, продолжай, – успокоила я Иру.

– Короче, он то ли пригласил ее в каюту, то ли она сама пошла его искать, когда он куда-то запропостился, ну ты понимаешь, – Ира закатила глаза, я опять кивнула. – Дальше расскажу тебе, как я предполагаю, было дело, ведь с Альбиной мне толком не удалось переговорить. Она спустилась в каюту, зашла, там темно, он лежит, она подошла поближе, видит, а у него нож из груди торчит, она по инерции этот нож выдернула, а там кровящи море. Она закричала, тут мы все прибежали, зажгли свет и увидели мертвого Али, а рядом Альку – напуганную, в руках огромных тоже окровавленный нож. – Ира побледнела и судорожно сглотнула. Я дала ей минеральной воды. Она отпила, сделала над собой усилие и продолжила. – Мы как раз уже подъезжали к берегу, волейболисты вызвали полицию. Альку, меня и всех остальных забрали. Нас с ребятами час назад отпустили, а ее нет, – Ира зарыдала, я тоже почувствовала, что в носу защипало, и неконтролируемые слезы покатались из глаз.

– Какой ужас! – Я просто не мола поверить, что все эти события произошли наяву и имеют непосредственное отношение к моим лучшим подругам. Свои прежние переживания по бывшему возлюбленному и вчерашние похождения показались мне детским лепетом, и я совершенно о них забыла. Минут пять мы ревели, периодически пытались взять себя в руки, но, встретившись взглядами, опять возвращались к своему мокрому занятию.

– Вот что! – решительно выдохнула я, протерев глаза тыльной стороной ладони, – мы должны Альку любыми средствами вытащить оттуда.

– Точно, – всхлипывая, согласилась Ира со мной. – Там так ужасно, противно, грязно, негде сесть, у меня сердце не на месте, как представляю ее совсем одну в душной камере, – Ира не выдержала и заревела с новой силой. Я посмотрела на ее обмякшую фигурку, красное, распухшее от слез лицо, глаза, которые с отчаянием и мольбой смотрели на меня, и поняла, что придумывать, как помочь Альке, придется мне.

– Для начала, мы должны поехать в тот полицейский участок и добиться встречи с Альбиной, чтобы узнать, хорошо ли с ней обращаются. – Принялась я вышагивать по комнате и составлять план действий, словно полководец перед генеральным сражением. Ира прекратила плакать и с надеждой уставилась на меня. – Потом, думаю, надо идти в наше консульство и требовать от них помощи. Если этот визит не принесет никакого результата, тогда мы найдем адвоката сами и добьемся, чтобы Альку выпустили на свободу, ведь это же не она убила Али? – Я полувопросительно взглянула на Иру.

– Ты что! – Она буквально захлебнулась от возмущения. – Конечно, нет. За что ей было это с ним делать? Они и знакомы – то толком не были.

– Вот и славно, – с удовлетворением в голосе отметила я. – Думаю, профессионалу не составит труда разобраться с этим делом, и, я надеюсь, в ближайшие дни мы все вместе отметим Алькино освобождение.

– Хорошо бы, – недоверчиво протянула подруга, заметно воспрянув духом.

Мы покинули отель, поймали такси и уже через тридцать минут зашли в полицейский участок славного города Анталии. Турецким языком ни я, ни Ира не владели, но я рассудила, что найду хоть кого-нибудь, кто сможет понять мой, без ложной скромности скажу, идеальный английский и помочь нам устроить свидание с Альбиной. Красота подруги тут же обратила на себя внимание всех без исключения работников правоохранительной службы, не прошло и минуты, как к нам подошел молодой офицер с доброжелательным выражением на лице и горящими темными глазами, которые, не мигая, смотрели на Иру. Он что-то произнес на своем языке, я поспешила вступить на английском. Он недовольно оторвал взгляд от Ирины и перевел его на меня. Я затараторила, что вчера была по ложному обвинению арестована наша подруга из России, что мы пришли, чтобы увидеться с ней, и вот очень надеемся, что этот, тут я покривила душой, прекрасный офицер нам поможет. На наше счастье, он меня понял и ответил, чуть коверкая английские фразы, путая времена, окончания глаголов и половину слов показывая жестами, что помочь он может, но взамен потребовал Иркин номер телефона, а также взял с нее обещание пойти с ним вечером на свидание. Подруга, после того, как я перевела ей его требования, ни секунды не размышляя, написала ему на клочке бумажки свой московский сотовый номер, изменив в нем пару цифр, и даже чмокнула его в щеку, в качестве аванса перед вечерней встречей. Последнее, на мой взгляд, было лишним, мы все-таки находились в полицейском участке, но молодой офицер от легкого прикосновения ее губ растаял, словно мороженое и куда-то умчался, мы присели вдвоем на один стул, который находился рядом с нами и уставились на дверь, за которой исчез наш новый знакомый. Спустя минут десять, его голова показалась в проеме, и он поманил нас рукой, всем своим видом показывая, что действовать нам следует очень быстро. Не теряя времени, мы последовали за ним. Он провел нас длинным коридором, остановился перед предпоследней дверью, шумно отворил ее, звеня огромной связкой ключей, почти пихнул нас внутрь, сообщил, что у нас на все разговоры только пять минут и тихо покинул помещение. Не сразу наши глаза различили в полумраке, что за решеткой, разделяющей комнату на две части, сидит Альбина. При виде нас она встала со стула и припала лицом к железным прутьям.

– Девчонки! Это какой-то кошмар! – Она зарыдала.

– Не то слово, – мы подошли вплотную к решетке. На наших лицах застыл ужас при виде распухшего от слез, несчастного лица Альбины. В душе у меня даже закрался испуг, что это не от бесконечного плача с ее лицом произошли такие изменения, а следствие избиения, произведенного полицейскими. Но, слава Богу, по ее словам, обращались с ней хорошо, и никак не угрожали. За те недолгие пять минут, отпущенные нам на встречу, мы узнали, что ночью допрос не состоялся из-за непонимания, вызванного языковым барьером. В итоге Альку посадили в камеру, где она прибывает в полном одиночестве. Утром ей принесли какую-то еду, но поесть она не смогла, стресс полностью прогнал аппетит. Теперь она пребывает в полном неведении по поводу своей участи и все время плачет. С мольбой в голосе, она просила нас ей помочь. Мы заверили ее, что, конечно, в беде не бросим, и, если понадобится, продадим все свое имущество в Москве, найдем самого лучшего адвоката и из тюрьмы ее вытащим. Когда, обговорив самые важные моменты, мы приступили к сентиментальной части и приготовились уже как следует нареветься, дверь в камеру открылась, и все тот же офицер попросил нас поскорее убраться вон. Что мы и сделали, бросив на прощание, как нам показалось, обнадеживающий взгляд на убитую горем Альбину.

Из полицейского участка мы направились напрямиком в русское консульство. Таксист сразу определил, что мы понятия не имеем, где оно находится, и запросил, я так думаю, тройную цену. Но торговаться у нас времени не было, поэтому мы сразу согласились. Путь оказался недолгим. Мы очутились около милого трехэтажного особнячка в красивом районе города, который выглядел довольно неприступно. Я смело нажала кнопку звонка, обнаруженного нами

на преградившем нам путь высоком заборе. В динамике раздался приятный мужской голос, который немного грубо и очень по-русски поинтересовался: «Вам че надо?».

Ира недовольно фыркнула, я сделала на нее страшные глаза и поспешила представиться, чтобы сгладить ее бестактность.

– Добрый день, – произнесла я, чувствуя себя довольно глупо, так как была не совсем уверена, что мужчина на том конце провода нас слушает, ведь из динамика лилась полнейшая тишина, поэтому я поинтересовалась, – ку-ку, вы еще там?

– Там, – бесстрастно произнес все тот же голос.

– Хорошо, – обрадовалась я. – Будьте любезны, не могли бы вы нас пропустить по очень важному делу на прием к консулу, – я старалась говорить как можно вежливее, но при этом надеялась, что мой голос звучит довольно настойчиво.

– Зачем? – задал закономерный вопрос наш невидимый собеседник.

– Дело в том, – я решила выложить все начистоту, – что наша подруга, русская, как и мы, была ночью арестована по подозрению в убийстве, которого она не совершала. Ее сейчас держат в полицейском участке недалеко отсюда. Мы полагаем, что прямая обязанность консульства, оказать помощь и посодействовать в освобождении несправедливо обвиненного гражданина своего государства. – Думаю, что довольно пафосная патриотическая нотка, прозвучавшая в конце моего заявления и придавшая ему значительности, и поспособствовала скорейшему устроению нашей аудиенции с консулом.

Внутри здание было так же красиво, как и снаружи. Приятно было после удушливой уличной жары окунуться в прохладу помещения. Нас встретил мужчина, одетый в светло-серый костюм, со строгим лицом, которое не сменило своего выражения даже при виде неземной Ириной красоты. «Эх, это нам не любвеобильные турки, – с грустью подумала я, понимая, что тут обещанием свидания дело не обойдется».

– Следуйте за мной, – пригласил он и быстро пошел в сторону лестницы. Без лишних вопросов мы поспешили за ним, как и было приказано. На третьем этаже он проводил нас до высоких дверей из темно-коричневого дерева. Вместо того, чтобы их открыть он резко повернулся к нам и попросил показать ему наши паспорта. Мы как по команде полезли в сумочки и, конечно, потратили какое-то время, пока среди бесконечного числа предметов косметики, всяких платочков, зеркал, мешочков, ключей, бумажек и чеков столетней давности, не нашли требуемые документы. Мужчина равнодушно взирал на наши манипуляции, ничем не выдавая своего нетерпения. Он внимательно изучил наши данные, подробнейшим образом ознакомился с пропиской, которая, я надеюсь, внушила ему некоторое доверие, ведь и Ира и я проживаем в Москве в самом центре, и улицы наши носят весьма известные названия. Документы нам, однако, возвращены не были. Наш проводник вместе с ними скрылся за тяжелыми дверями кабинета. Мы недоуменно переглянулись, я почувствовала, что начинаю злиться, что вместо того, чтобы немедленно спасти подругу, мы тратим драгоценное время на нелепые формальности. Ира, судя по ее покрасневшим щекам, чувствовала то же самое. Наконец, мужчина в сером костюме вернулся, отдал нам паспорта и жестом предложил войти. Немного волнуясь, мы переступили порог кабинета, и дверь за нами моментально закрылась. Навстречу нам поднялся из кресла невысокий господин средних лет очень импозантного вида с густыми, аккуратно причесанными, слегка волнистым волосами и руками, настолько ухоженными на вид, что тут, по моим подозрениям, явно не обошлось без помощи хорошей маникюрши. Этот факт я заметила, когда он почти вплотную подошел к нам и поздоровался.

– Добрый день, милые дамы, – голос его звучал очень мелодично, видимо, сказывалось долгое пребывание в восточной стране.

– Добрый день, – улыбнулись мы в ответ.

– Позвольте представиться, Ермаков Виталий Афанасьевич, помощник консула по юридическим вопросам, или, чтобы было понятнее, помогаю нашим гражданам выпутаться из непро-

стых ситуаций. – Не без гордости в голосе произнес он, и жестом пригласил нас занять места на диване, что мы и сделали. – Слушаю вас очень внимательно, – сказал он, опустившись в кресло напротив нас. Мы переглянулись, я ободряюще покивала Ире, и она пересказала с начала все события, приведшие к аресту Альбины. Виталий Афанасьевич мрачнел с каждой минутой, пока Ира, глотая слезы, вводила его в курс дела. В конце он не выдержал, встал и заходил из угла в угол своего большого кабинета. Когда Ира замолчала, он обратился к нам, но в голосе его уже не прослеживалась былая мелодичность.

– Ну и дела! А вы уверены, что ваша подруга ни в чем не виновата. – Он в упор посмотрел на Иру.

– Конечно, – с вызовом произнесла она.

– Просто у меня тут выше крыши дел и разбирательств замешанных на почве курортных романов. Просто голову теряют наши барышни при виде этих местных красавцев. Творят, Бог знает что, чуть ли не травят своих соперниц, – глаза его сверкали праведным гневом.

– Что вы, – поспешила я вмешаться и развеять его сомнения. – Мы в Турции первый раз, Альбина очень приличная девушка, с хорошей работой в Москве, просто приехала отдохнуть и поддержать меня в моих личных переживаниях, не относящихся к делу. Это кто-то другой убил, а она оказалась в неудачное время в ненужном месте.

В этот момент в дверь постучали, и какой-то мужчина поманил хозяина кабинета и передал ему длинный, чуть скатанный в рулон лист бумаги. Виталий Афанасьевич изучал этот документ некоторое время, потом вернулся к нам.

– Вот и вызов из полицейского участка по поводу вашей подруги. Так что теперь мы вплотную займемся этим делом. Но расследование все равно будет вести турецкая сторона. Наша обязанность предоставить переводчика, ну и, если хотите, могу помочь с хорошим адвокатом, конечно, на условиях гонорара.

– Спасибо, обязательно, деньги нас сейчас беспокоят меньше всего, – горячо воскликнули мы.

– Ладно, – он взял телефон и пригласил кого-то подняться в его кабинет. Потом опять повернулся к нам. – Я беру на себя все общение с прессой. Конечно, личность арестованной оставить в тайне не удастся, но я постараюсь, чтобы в прессу просочилось как можно меньше компрометирующей информации. Ну и, естественно, беру под контроль ход расследования. – Он поднялся, так как в комнату после короткого стука зашел какой-то мужчина. Он был одет в темные брюки и белую рубашку с закатанными рукавами. На вид лет ему было около тридцати пяти. Внешность его я бы охарактеризовала, как приятную, короткие темные волосы, карие глаза, спрятанные за прозрачные стекла очков, благодаря которым лицо приобретало очень интеллектуальный вид, губы у него казались немного тонкими, возможно от того, что были сложены в линию, выдающую напряжение оторванного от дел человека.

– Вот, прошу любить и жаловать, Максим Петрович Акулов. Он будет адвокатом вашей подруги Альбины. А это Ирина и Варвара, – представил нас хозяин кабинета. Мы поздоровались, после чего Виталий Афанасьевич проводил нас, отдав под опеку господина Акулова, который предложил нам выпить кофе в небольшом ресторане неподалеку и обсудить все детали дела, что мы и сделали.

Приятная непринужденная обстановка кафе, куда привел нас адвокат, показалась нам с Ирой в свете последних событий нереальной. Внутреннее напряжение не отпускало нас ни на минуту. Мы сидели напротив господина Акулова обе на краешках стульев, с идеально ровными спинами, будто мы проглотили каждая по длинной швабре, и смотрели на него с выражением мольбы, застывшем в глазах. Максим Петрович поерзал на сиденье, побарабанил пальцами по столу, и, лишь только официантка принесла маленькие чашечки с ароматным кофе, от которых шел едва заметный белый дымок, сразу приступил к расспросам.

– Ира и Альбина, я правильно запомнил? – поинтересовался он, поочередно взглянув на нас.

– Нет, – поспешила поправить я, – Ирина, – указала я кивком головы на подругу, – а я Варвара.

– Простите, а Альбина, значит, подозреваемая? – он достал копию распечатки из полицейского участка, переданную ему в консульстве.

– Да, – вступила в разговор Ира, – давайте я вам расскажу, как все случилось, – предложила она. Максим Петрович кивнул, достал телефон, и приготовился делать пометки по ходу повествования. Ира, опустив предысторию знакомства с волейболистами, описала поездку на яхте.

– Что ж, пока ничего неясно. Я могу заняться этим делом, результат пока прогнозировать сложно, надо опросить всех свидетелей, покопаться в прошлом убитого, поднять кучу связей. В общем, работа предстоит огромная. Должен сразу предупредить, что услуги мои недешевы, так что вам решать.

– Мы готовы ко всему, – несколько бестактно прервала я его, боясь услышать отказ.

– Даже к этому, – он что-то набрал на своем телефоне и протянул нам. На небольшом с ладошку экране высветились цифры: от пяти до десяти.

– Что лет? – в один голос воскликнули мы с Иррой, испугавшись, что адвокат имеет в виду срок заключения, который грозит Альбине?

– Да нет, тысяч долларов, – недовольно поправил нас Максим Петрович.

Мы переглянулись. Ни одна из нас не знала, какие обычно гонорары предлагают адвокатам. Сумма была не маленькая, но выхода ведь никакого не было и свобода подруги, на наш взгляд, стоила гораздо больших денег.

– Мы согласны, – ответила я за двоих. – Наверное, мы должны заключить договор и внести аванс, – предположила я, больше ориентируясь на свой богатый опыт ведения коммерческих переговоров с новыми клиентами на работе, чем на знания, которыми (увы) не обладала, правил получения юридической помощи в кризисных ситуациях.

– Да, – он извлек из своего кейса два экземпляра договора. Я заполнила один из них на свою фамилию, предоплата составляла тысячу долларов. Таких денег у нас с собой не было, поэтому Максим Петрович предложил подвезти нас до банка, правда, денег немедленно не требовал, сказал, что отправиться к нашей бедной Альбине, а все формальности мы с ним решим после, когда у него появится время, и он заедет в наш отель. Мы согласились, обменялись номерами телефонов, он записал все наши адреса, включая московские, и умчался, оставив нас у нарядного здания, надпись на котором оповещала прохожих о его денежно – кредитной функции.

Когда мы, наконец, вернулись в отель, меня взяло беспокойство, что после всего случившегося, нас вообще могут выселить, ведь нашу подругу подозревают в зверском убийстве человека, который, по Ириным словам, тут работал аниматором. Но, на удивление, администратор на ресепшене встретила нас еще более широкой улыбкой, чем в день заезда. Никто не шушукался за нашими спинами, и мы спокойно преодолели путь до бунгало, где в изнеможении повалились на диван в общей, комнате.

– Ох, надеюсь, этот симпатичный Максим знает свое дело, и Альку отпустят, – зевая, протянула Ира.

– Скорей бы, – я даже закрыла глаза, представляя этот счастливый момент. В мыслях тут же нарисовался белокурый образ нашей горемыки, которая, заливаясь счастливым смехом, бежит нам на встречу, почему-то со стороны моря, поднимая ногами миллионы весело хлюпающих, искрящихся на солнце брызг. Потом видение несколько померкло. Морская вода стала стремительно менять цвет, и из небесно – голубого, местами лазуревое, а где-то у горизонта

совсем желтого солнечного света, на глазах превращалась в темно-серое каменное пространство, в котором бесконечность водной глади стала стенами камеры, внутри которой, одетая в грязные лохмотья, грустно бродит, позвякивая железными кандалами на ногах, наша Альбина. Лицо ее завешено лохматыми космами давно не чесанных волос, вдруг она со звериным рыком подлетает в металлической решетке, и я вижу ее несчастные, как у побитой собаки глаза, в которых застыло выражение ужаса, она запрокидывает голову и с нечеловеческим отчаянием в голосе кричит: «За что?»

В ужасе я резко села. Видение было настолько реальным, что мне стало страшно. Я понимала, что это был всего лишь сон, который неожиданно завладел мною, едва я села на диван, но отделаться от кошмарного образа Альбины никак не могла. В мозгу лихорадочно закрутилась мысль, что я немедленно должна что-нибудь предпринять, чтобы помочь подруге. Я обернулась и увидела, что Ира мирно спит рядом, я попробовала разбудить ее, но она никак не реагировала на меня. Тогда я принесла подушку, аккуратно подложила ее под голову Иры, заботливо накрыла одеялом и ушла в свою комнату. Там я приняла душ, переоделась и решила пойти прогуляться вдоль моря, в надежде, что шум воды поможет мне расслабиться и хорошенько все обдумать. Проходя мимо ресторанов, я вдохнула одновременно тысячи умопомрачительных ароматов, которые немедленно мне напомнили, что последний раз я как следует ела больше суток назад. А все последнее время черпала столь необходимые организму калории исключительно из алкогольных напитков и кофе. На часах было время ужина, и я не нашла никаких аргументов против того, чтобы не воспользоваться ситуацией и не подкрепить тающие силы общепризнанным способом.

Внутри ресторанного зала было довольно многолюдно. Люди весело переговаривались возле столов, которые ломились от всевозможных холодных и горячих закусок. Почти зверское чувство голода захватило меня, невероятным усилием воли я взяла себя в руки и скромно положила на тарелку по ложке три разных салата и кусок только что поджаренного на гриле, восхитительного на вид цыпленка. Чуть ли не бегом я устремилась к свободному столику, предвкушая неземное удовольствие, которое сулили приятные запахи, исходящие блюдами на моей тарелке. Едва я успела прожевать первый кусочек цыпленка, щедро нашпигованного чесноком и прочими пахучими специями, как услышала деликатное покашливание, которое раздалось практически над самым моим ухом. Я подняла глаза и увидела улыбающееся лицо Александра, моего вчерашнего спасителя.

– Привет, могу я составить тебе компанию? – спросил он. Я обвела глазами зал, отметив достаточное наличие свободных столов рядом, но отказать ему было бы невежливо, учитывая, что он практически спас мою честь вчера вечером, поэтому, я изобразила самую милую улыбку на лице и любезно согласилась, кивнув головой. Он поставил свою тарелку, на которую я, естественно тут же бросила оценивающий взгляд, при этом покраснев до корней волос, понимая, что мое любопытство не осталось незамеченным. Мой новый знакомый на ужин предпочел рыбные деликатесы, при виде которых я пожалела, во-первых, что сама их не взяла, а набросилась с голоду на первое, что попало мне на глаза, а, во-вторых, что мой выбор не столь изыскан и выдает во мне скорее обжору, чем гурмана. Я вздохнула и приступила к еде, Саша же едва заметным жестом подозвал официанта, который не заставил себя долго ждать, и с угодливой улыбкой на лице остановился около нашего столика.

– Бутылку шампанского, – распорядился мой сотрапезник, и при этих словах, я почувствовала, что нестерпимая утренняя дурнота – следствие моей вчерашней невоздержанности к алкоголю – незамедлительно вернулась. Видимо, выражение моего лица красноречивее любых объяснений выдало изменения в моем состоянии, потому что Саша чуть подался вперед, приблизился ко мне и тихо прошептал:

– Хочу провести небольшую работу над ошибками, – произнес он, а я заметила лукавые огоньки, сверкнувшие в его глазах.

– Я пить не буду, – испуганно воскликнула я и на секунду задумалась, потом добавила значимости предыдущему высказыванию – никогда! – Он не сводил с меня насмешливых глаз, я ступала под этим пристальным, смущающим меня взглядом и зачем-то выпалила с горячностью агитатора на трибуне: – по крайней мере, шампанское, в любом его проявлении, даже, если бы передо мной сейчас оказался самый редкий и дорогой вид этого напитка! – Он улыбнулся и примирительным тоном произнес:

– Я все понял и ни к чему тебя не принуждаю, – тут он сделал паузу, так как вернулся официант и поставил на наш столик ведро, наполненное льдом, бутылка в котором была полностью скрыта белоснежной салфеткой. Потом он как фокусник неизвестно откуда достал два хрустальных бокала на высокой резной ножке и торжественно опустил их перед нами на скатерть, затем после одобительно жеста Саши, он вынул из ведра бутылку, промокшая этикетка на которой гласила известное название содержимого на французском языке. Официант ее с тихим шипением открыл и наполнил янтарной жидкостью наши фужеры. Я, конечно, не самый искушенный сомелье, или как там величают дегустаторов шампанских вин, но и моих скудных знаний в этой области хватило, чтобы понять, что надо быть полной идиоткой, чтобы отказать себе в удовольствии использовать выпавший мне столь неожиданно шанс попробовать такое дорогое и, по слухам, восхитительное шампанское. С тоской поглядывая на искрящуюся в электрическом свете ресторана в бокале жидкость, я мысленно придумывала самые страшные наказания, которые необходимо применить к моему не в меру болтливому и вечно несущему всякую чушь языку, из-за которого я все время попадаю в дурацкие ситуации. Я отвела глаза и бросила незаметный, как я надеялась, взгляд на Александра из-под опущенных ресниц. Но этот маневр удастся, судя по всему, только героиням любовных романов, я же потерпела полное фиаско. Так как, то ли ресницы у меня слишком куцые, то ли прежде, чем приступить к этому тайному разглядыванию моего спутника, мне следовало потренироваться у зеркала, ведь он не только заметил мой интерес к его персоне, но еще и рассмеялся при этом.

– Прости, – он легко коснулся моей руки, – если бы познакомился с тобой только сейчас, я бы подумал, что у тебя тик или косоглазие, – он еще раз хохотнул и прикрыл рот рукой, стараясь взять себя в руки, видя мой несчастный вид. Я почувствовала, что мои щеки, покрытые легким стыдливым румянцем до этого момента, стали в миг пунцовыми и походили на два переспелых томата.

– Просто что-то в глаз попало, – с опозданием нашлась я и для убедительности энергично надавила костяшкой указательного пальца на веко.

– Прости мой неуместный смех, – он встал из-за стола и вплотную подошел ко мне, – позволь, я посмотрю, – произнес он и прежде, чем я успела возразить, наклонился к моему лицу, взял его двумя руками за скулы и с легким нажатием чуть запрокинул мою голову назад. Я охнула и постаралась не дышать, в моей голове пронеслись тысячи всевозможных мыслей и главной из них было проклятье, посланное повару, который, не щадя чеснока, приготовил отведенную мною курицу, из-за чего я теперь по запаху изо рта могу соревноваться с Чипполино. Саша поочередно рассматривал оба мои глаза, мне казалось, что это длится вечность, наконец, его ладони отпустили мое лицо, и он вернулся на свой стул.

– Все в порядке, соринка успела исчезнуть, – он поднял бокал. – Это надо отметить!

– В самом деле? – я демонстративно несколько раз сильно зажмурилась. – И правда, теперь все хорошо, – я вымученно улыбнулась. Мне хотелось немедленно бежать, но приличия не позволяли этого сделать. Я нехотя подняла бокал. – Чисто символически могу с тобой чокнуться.

– Хотя бы пригуби, – тоном просителя протянул он и широко улыбнулся при этом. – Это шампанское самое настоящее, его изобрели еще в восемнадцатом веке во Франции, в России долгое время только особи царской крови и очень богатые вельможи могли себе его позволить.

Во времена Пушкина такая бутылка стоила двадцать пять рублей. За эти деньги тогда можно было купить целую большую живую рогатую корову!

– Ну, если корову, тогда я попробую, – согласилась я, – хотя не понимаю, чем заслужила такую честь, – без тени кокетства в голосе произнесла я, так как действительно ума не могла приложить, отчего Саша вошел в такие траты.

– Ты мне нравишься, – вдруг сказал он, я испуганно взглянула на него и заметила, что лицо его совершенно серьезно. Он протянул руку с бокалом и легонько коснулся моего фужера. Раздался приятный звон. Я не могла ничего вымолвить в ответ, сидела, оглушенная его словами, словно деревянным поленом по голове.

– Почему ты выглядишь такой удивленной? – Он сделал небольшой глоток. Я последовала его примеру, но отдать должное великолепному вкусовому букету шампанского, растворившемуся у меня на языке, не смогла.

– Ты знаешь, я совершенно не понимаю, что во мне может нравиться, – честно призналась я. Он окинул меня оценивающим взглядом, как манекена в магазине, я готова была провалиться сквозь землю, но сидела как истукан, тщетно пытаюсь придать себе максимально равнодушный вид.

– Твои зеленые глаза, мягкие волосы, шелковистая кожа, – начал перечислять он. Я же, не отрываясь, смотрела на него, раскрыв от удивления рот, он тем временем продолжал, – маленькая, аккуратная, словно у куколки, фигура, неподражаемое чувство юмора...

– Стой, – остановила я этот неконтролируемый поток лести. – Для начала, глаза у меня цвета болота, волосы серые, рост маленький, фигура обычная, про чувство юмора ты явно придумал, так как мы почти совсем незнакомы...

– Вот тут ты ошибаешься, – перебил он меня, – вчера, прежде чем уснуть, ты многое успела мне рассказать о себе, и каждый факт своей биографии старалась подкреплять шуткой. – Услышав это, я схватилась за голову, мне стало так стыдно, что я решила не уточнять, что именно наплела по пьяному делу.

– О господи, давай закончим этот разговор, – взмолилась я.

– Давай, – легко согласился он, – будем знакомиться заново, – он поднял бокал, – ваше здоровье, прелестная Варвара, – провозгласил он тост.

– И твое, – хмуро согласилась я, осушив шампанское до дна.

После этого мы, наконец, приступили к еде, чему я была несказанно рада, справедливо полагая, что, как только тарелки опустеют, приличия будут соблюдены, и я смогу покинуть ресторан, а вместе с ним и Сашу, на которого я боялась поднять глаза от стыда. К сожалению, едва ужин подошел к концу, шампанское закончилась, и чувство голода больше не терзало меня, я уже собралась произнести, отрепетированную мысленно мною прощальную фразу, как Александр опередил меня.

– Спасибо за компанию, но вечер еще только начинается, был бы рад, продолжить его с тобой, – его голубые глаза вопросительно смотрели на меня. Я опешила, настолько его предложение застало меня врасплох и сбilo с толку. И вообще, учитывая обстоятельства нашего с ним знакомства: позорящее меня пьяное вчерашнее состояние, то, что он отвоевал меня у официанта, с которым я чуть ли не целовалась под луной, мои признания, которые я, как выяснилось, успела ему поведать, прежде чем провалиться в утяжеленный бурными алкогольными возлияниями сон, причем в его постели, и прочие факты, вспоминать которые совсем не хотелось, я заподозрила, что Саша составил обо мне весьма легкомысленное мнение и сейчас рассчитывает на интимную благодарность с моей стороны. Учитывая только что пронесшиеся в моей голове мысли, вслух я опять сморозила очередную глупость:

– Боюсь, что развлечения не мой конек, я пройдусь вдоль моря и отправлюсь спать пораньше, пожалуй, может в другой раз, – и едва эти слова слетели с моих губ, как мое лицо

опять приобрело, ставший уже практически родным для него помидорный оттенок. «Господи, какой другой раз, – ругала я саму себя, – что ты несешь!»

– В другой раз обязательно, – многозначительно сказал он, а я попыталась улыбнуться в ответ, словно безмерно рада этому обстоятельству, но он неожиданно продолжил: – прогулка после ужина – мое любимое занятие в этом отеле, так что идем вместе! – Саша резко встал из-за стола и протянул мне руку.

– Ну ладно, – я вздохнула, обреченно поднялась, сделала вид, что не заметила его ладонь и прошла вперед него к выходу. Тут я обратила внимание, что на нас со всех сторон смотрят, особенно пристально официанты и обслуживающий персонал отеля. Я удивилась и даже испугалась, подумав, что, наверное, это от того, что все они уже в курсе убийства и того, что Альбина первый и единственный подозреваемый, и поэтому ко мне, как к ее подруге, и проявляют такой повышенный интерес. Я поежилась, мне показалась, что обращенные на меня взгляды жалят меня, я прибавила шаг. «Странно, что нас не выселили, – подумала я, – это было бы логично, хотя, возможно, это нас ждет впереди, и владелец отеля просто еще не успел распорядиться, – успокоила я себя этой невеселой мыслью».

Меж тем Александр на улице не церемонясь взял мою руку, надежно сжав ее своей теплой и сухой ладонью, и уверенно повел меня к морю. Я покорно шла за ним, обдумывая его слова, о том, что ему якобы во мне нравится. Несколько раз я даже останавливалась и пыталась окинуть критическим взглядом сверху вниз свою фигуру, скрытую льняной белой туникой и бежевыми брюками. Но эти маневры вызывали недоумение у моего спутника, поэтому я решила отложить осмотр до возвращения в свое бунгало.

Море встретило нас приветливым мерцанием желтых огоньков, которые образовывали пресловутую лунную дорожку на черной глади поверхности воды. Был полный штиль, мы шли вдоль берега, я сняла сандалии и босиком аккуратно шагала по мелким, словно песок камням, наслаждаясь приятной прохладой моря.

– А ты как надолго приехал? – завела я подобие светской беседы.

– Точно не знаю, – он неопределенно пожал плечами, – как дела позволят, так и вернусь в Москву.

– Везет, – завистливо протянула я, – а мне на работу через две недели надо.

Мы помолчали какое-то время, потом Саша предложил присесть на лежаках, посмотреть на воду, я согласилась, и мы расположились неподалеку от густых зарослей, каких-то кустарников и пальм, среди которых я с трудом разглядела деревянную стену беседки. Получалось, что нам со стороны моря ее было видно, а нас из нее нет, так как стена беседки была глухая, без окон.

– Ты одна приехала? – спросил он.

– Нет, с двумя подругами, только они отдыхают в номере, вот я и отправилась ужинать в одиночестве, – объяснила я.

– Понятно, – протянул он, – я должен быть им благодарен, за предоставленную возможность насладиться твоим обществом без свидетелей, – гнул свою линию оболъстителя он. Я опять поморщилась, благо этого в темноте было не видно, справедливо полагая, что он все время меня обманывает, когда старается говорить мне комплименты.

– Слушай, – сердито проговорила я, – хватит уже мне лапшу на уши вешать. Скажи уж честно, что подсел ко мне от скуки, я не обижусь, я на эти случаи закаленная еще со школы.

– И кому я должен сказать спасибо за твое теперешнее недоверие? – наигранно гневно воскликнул он.

– Вот завтра увидишь мою подругу и сам все поймешь, – спокойно ответила я. В этот момент я услышала какие-то звуки, напоминающие тихие шаги. Я покрутила головой из стороны в сторону, но ничего подозрительного не увидела. Саша, похоже, ничего не заметил.

– Хорошо, до завтра я готов потерпеть, а почему ты с подругами, а не с кавалером сюда приехала, – не отставал он от меня.

– Почему, почему, – заворчала я, и неожиданно со злостью выпалила, – потому, что он меня несколько дней назад бросил, – и тут же в мыслях добавила своему болтливому языку еще одну мучительную пытку прежде, чем насовсем отрезать его и выбросить подальше.

– Прости, я, наверное, достал тебя своими расспросами, – наконец, догадался Александр.

– Ничего, все нормально, – проявила я благородство, и решила отплатить ему той же монетой, – а твоя где подруга, никогда не поверю, что такой видный мужчина путешествует в одиночестве, – наигранно сладким голосом поинтересовалась я.

– Моя жена, – начал отвечать Саша, но был вынужден прерваться из-за телефонного звонка, нарушившего наше уединение. Он извинился и отошел с телефоном к морю. Я не спеша обулась и отвернулась в сторону, всем своим видом демонстрируя безразличие, хотя в глубине души меня задело это «моя жена». Да еще я почувствовала что-то наподобие укола ревности к этой неизвестной даме, и даже досаду на то, что мой новый знакомый оказался обыкновенным бабником, ищущим легких развлечений на стороне. В этот момент практически за моей спиной, со стороны тех густых зарослей, скрывающих беседку, я отчетливо услышала два мужских голоса. Один из них что-то быстро тараторил, видимо, на турецком, судя по тону, какие-то извинения или объяснения, а другой голос вдруг прервал этот поток неизвестных мне слов и чуть приглушенно грубо на немецком языке произнес:

– Хватит, Сулейман, меня не интересует, как все произошло, важен результат, Али нет, и, хоть нам это на руку, его смерть решает только одну проблему, но порождает множество новых, и тебе, если хочешь продолжать также достойно жить и не последовать за Али, следует быстренько со всем разобраться. Не хватало нам потерять эту клиентку, она одна способна погубить нашу репутацию, наработанную годами. – Я тут же забыла про Сашу, тихо слезла с лежака, опустила на колени и поползла в сторону кустов, которые скрывали от меня участников беседы. Над беседкой висел фонарь, который слабо освещал площадку, на которой я увидела двоих мужчин. Одного я узнала сразу, это был один из команды волейболистов, которые так активно вчера ухаживали за моими подругами. Но из моего укрытия, а я лежала пластом под кустами и старалась совсем не дышать, чтобы не выдать себя, сложно было разобрать лицо второго. Он стоял ко мне спиной, был одет в белые брюки и пиджак, подчеркивающий грузность его коренастой фигуры, и вообще выбор одежды был странен, ведь, несмотря на позднее время, на улице было нестерпимо жарко.

– Это все пока, завтра жду результат, – судя по тому, что человек со знакомым мне лицом затряс головой и даже немного склонил ее, я догадалась, что он и есть Сулейман, а немец – обладатель белого костюма. Я занервничала, так как мужчины попрощались, а мне было необходимо узнать все до конца, ведь я полагала, что они что-то знают о смерти Али, и через них я могла бы выведать какие-нибудь факты, благодаря которым можно было бы вытащить Альбину из тюрьмы. Медлить было нельзя. Сулейман и немец отправились в разные стороны от беседки. Я рассудила, что следить за Сулейманом нет смысла, так как все равно не понимаю турецкого языка, а вот немецкий я изучала и в школе, и в институте, и, судя по тому, что легко поняла смысл беседы, еще не забыла, поэтому я последовала за мужчиной в белом костюме. Когда он отошел на достаточное расстояние от беседки, я выбралась из своего укрытия, отряхнула дорожную пыль и травинки, приставшие ко мне, пока я лежала под кустами, и неслышно, как я надеялась, приступила к слежке. Надо сказать, что опыта в этом деле у меня не было никакого. Отправиться за немцем был опрометчивый поступок, откуда я знала, а вдруг он и есть убийца, и я сейчас иду прямо в его лапы. О существовании Саши, который, по всей видимости, сейчас безуспешно разыскивает меня вокруг лежака, я вспомнила не сразу, но пусть думает, что я ушла, узнав, что у него есть жена.

Путь немца лежал к отелю. Мы миновали мало освещенную пляжную зону, начались водные каналы и бассейны, которые были хорошо освещены со стороны улицы, а также лампам под водой. Здесь уже встречались отдыхающие, поэтому я почувствовала себя более свободно, очень надеюсь, что все думают, что я просто прогуливаюсь перед сном. Немец совсем не оборачивался. Он не стал заходить в отель через главный вход, а обошел здание и вплотную приблизился к маленькой дверце в торце одного из корпусов. Я спряталась за углом и стала ждать. Сначала послышался легкий скрип, это он открыл дверь, догадалась я, потом негромкий хлопок и все стихло. Я выждала несколько минут и подошла к двери. С надеждой потянула за ручку, но, увы, никакого результата, дверь была заперта.

«Черт! – выругалась я, – ну что за невезение». Почему-то я решила, что просто необходимо до конца выяснить все, что связано с немцем. Я обошла здание и обнаружила, что с одной из сторон идет длинная череда окон, полностью открывающих обзор на коридор, который тянется вдоль номеров. Я пригнулась, чтобы меня не было видно из корпуса, и стала наблюдать. Удача, видимо, была на моей стороне, так как я успела заметить, как мой ненаглядный немец скрылся за одной из предпоследних в ряду дверей, повесив на ручку со стороны коридора табличку с просьбой «не беспокоить». Галопом понеслась я обогнуть здание и на другой стороне, куда выходили окна номеров, увидела объект моей слежки, который преспокойно курил на просторном балконе, задумчиво глядя на едва различимые на фоне вечернего неба очертания гор. Потом он исчез внутри своей комнаты, за это время я успела переместиться практически под самый балкон. Осторожно посмотрев в окно сквозь прорехи незакрытых до конца жалюзи, я застала моего немца, который расслабленно лежал на кровати в белом халате, и что-то внимательно изучал в ноутбуке. Я промаялась какое-то время, но мой объект так и не сменил позы, будучи явно увлеченным своими компьютерными делами. Тогда я решила вернуться в бунгало в надежде, что Ира уже проснулась, пересказать ей подслушанную мной часть разговора и придумать, что делать дальше.

Но, к сожалению, подруга пребывала все в том же состоянии чуть ли не летаргического сна. Я же была слишком возбуждена происходящим, чтобы последовать ее примеру. Я взяла флешку, которую по привычке, привившейся ко мне на работе, всегда носила с собой и решила вернуться под окна номера немца. В моей голове созрел абсолютно авантюрный план пробраться в его комнату и выяснить, что такого интересного разглядывал в компьютере этот подозрительный тип. Правда, имелось одно маленькое препятствие, сам немец, которого необходимо было из номера удалить, например, чтобы кто-нибудь его позвал под каким-нибудь благовидным предлогом. Но я ума не могла приложить, кто и для чего мог бы это сделать. Я тосковала под окном, уже почти смиряясь с невозможностью осуществления задуманного мной, когда услышала звук открывающейся двери. Еле успев спрятаться в тень, я опять увидела мой объект, который вышел на балкон, держа в руках сигарету и телефон. Только он успел прикурить, как раздался звонок. Немец посмотрел на номер и быстро поднес трубку к уху. Что говорил его абонент, мне, естественно, слышно не было, но результат беседы весьма меня устраивал, так как немец неожиданно выбросил сигарету, которая приземлилась в сантиметре от меня, точнее моей головы, и, бросив злым голосом короткое «Иду», покинул комнату. Услышав хлопок захлопнувшейся двери, я вынырнула из моего укрытия и устремила взгляд в номер. Немца нигде не было видно, на мое счастье, впопыхах он забыл закрыть балкон, что могло означать, что вышел он на минуту. Мне следовало поторопиться, или вообще было бы лучше развернуться и идти домой, никуда не вступая. Но мысли об Альбине не давали мне покоя, я чувствовала, что мой долг ей помочь, а для достижения положительного результата хороши любые средства, даже проникновение в чужой номер.

Я себя успокаивала тем, что красть ничего не собиралась и вообще, при идеальном раскладе, немец ни о чем не догадается, а я, возможно, обзаведусь полезными сведениями. Я была уверена, что мысли о том, что этот тип что-то знает о смерти Али, все равно не дадут

мне покоя, и, когда я расскажу об этом Ире, она поддержит меня, и мы вдвоем будем искать способы, как бы проникнуть в номер. Так что лучше рисковать одной, чем подставлять еще и подругу, я посмотрела по сторонам, чтобы удостовериться, что никто за мной не наблюдает, потом перекрестилась, что можно было приравнять к богохульству, принимая во внимание то, чем я занимаюсь, и полезла на балкон. Мне это легко удалось, и я как кошка, опустилась на все четыре свои конечности, чтобы с улицы меня не было видно, и поползла в комнату. Там я быстро осмотрелась, дрожа каждой клеточкой своего тела, почти допрыгнула до кровати, заглянула в экран заветного ноутбука, который разочаровал меня своей чернотой, и чуть было не заревела от постигшей меня неудачи. Включать и ждать, пока он загрузится, у меня времени не было тем более, что наверняка, там был установлен пароль. Со злости я даже легонько пнула его рукой, отодвигая от себя, и, о чудо, дисплей неожиданно мигнул и загорелся ярким голубым светом, который служил фоном к какой-то таблице. Судя по всему, компьютер просто впал в режим ожидания, из-за нахождения без работы какое-то время. Трясущимися пальцами я вынула флешку, вставила ее в отверстие позади компьютера, выбрала в меню «скопировать данные» и внесла их в одну из папок с моими рабочими документами. Потом я выдернула свою карту памяти, засунула в глубокий карман брюк, попыталась вернуть компьютер в исходное положение и поползла на четвереньках к балкону. В этот момент я услышала, что со стороны двери доносится какой-то шум, напоминающий приглушенные голоса с обратной стороны. Я придала своему маневру максимальную скорость и успела только перебраться через порог и скрыться в дальнем углу балкона за большим белым пластиковым стулом, когда в комнату вернулся немец. Я настолько затаилась, что перестала дышать. Сквозь незакрытые пространства жалюзи мне было видно, что хозяин номера несколько раз обошел комнату, остановился около кровати и внимательно уставился в монитор.

«Конечно, – я даже стукнула себя ладонью по лбу, – экран светится, и тем самым выдает, что кто-то трогал компьютер, сейчас он обо всем догадается и без труда найдет меня!»

Я заметалась глазами по сторонам в поисках самого быстрого пути отступления, немец тем временем отвел задумчивый взгляд от компьютера и перевел его на окно. От разоблачения меня отделяли считанные секунды, я почувствовала, как от страха тело мое напряглось как пружина, я вонзила ногти в ладони с такой силой, что почувствовала боль от свежих образовавшихся царапин. Медлить больше было нельзя. Тихо, стараясь не дотронуться до стула, служившего мне прикрытием, я встала во весь рост, сделала короткий шаг назад и почувствовала, как моя нижняя часть спины уперлась в перила, я взялась за них обоими руками и перевалилась через голову назад, как подводный пловец, ныряющий с аквалангом с бортика катера. Словно спортивная гимнастка, я застыла в положении кувырка с больно свернутой спиной, но нашла в себе силы на мгновение задержаться на наполовину разогнутых вытянутых руках, чтобы поправить ноги и мягко, не создавая шума, приземлиться на них. Только я это сделала, как тут же перекатилась под дно балкона, в самую темень и затаилась. Все произошло за какие-то секунды, я лежала, стиснув зубы, слушая тишину, которая довольно быстро прервалась. Я различила осторожные шаги моего немца, который, крался по собственному балкону, в поисках того, не зная чего. Когда он никого не нашел, то перестал прятаться, опять закурил, постоял какое-то время, потом швырнул сигарету и вернулся в комнату, захлопнув за собой балконную дверь. Страх настолько сковал меня, что я никак не могла найти в себе силы, чтобы выбраться из укрытия и пойти в свое бунгало. Потом меня посетила мысль, что немец на самом деле никуда не ушел с балкона, а нарочно хлопнул погромче дверью, чтобы усыпить мою бдительность, а сам затаился и ждет, чтобы меня поймать. Мои опасения показались мне не лишены смысла, поэтому путь до торца корпуса я преодолела ползком под всей чередой балконов. Лишь достигнув спасительного поворота, я выбралась на свободу и побежала, стараясь держаться в тени от мест прогулок отдыхающих, к своему временному дому. Когда, наконец, вошла в бунгало, у меня не осталось сил на то, чтобы соблюдать приличия и не разбудить Иру, я

повалилась на диван, служивший ей кроватью, и истерически захохотала, видимо, таким образом пережитый шок давал выход накопившемуся за последний час в моем организме стрессу. Ира испуганно открыла глаза, совершенно мутные ото сна, и со страхом уставилась на меня.

– Варь, ты что, – она вскочила с дивана и затрясла меня за плечи, – что с тобой?

– Ничего, – давась от хохота, произнесла я, но перестать смеяться никак не могла.

Ира подбежала к мини бару, который по совместительству являлся также и холодильником, достала из него первую попавшуюся бутылку, налила ее в стакан и плеснула его мне в лицо. Это действие возымело успех, от неожиданности я затрясла головой и замолчала.

– Ты что, – недовольно накинулась я на подругу.

– Я ничего, прости, пожалуйста, но у тебя была истерика, этот способ успокоения был первый, пришедший мне в голову, – ее глаза все также испуганно смотрели на меня, но в голосе чувствовались угрызения совести. – А что с твоей одеждой, почему ты вся в грязи, – она взяла меня за руки и немного развела их в стороны, чтобы лучше рассмотреть, я поморщилась, почувствовав боль в расцарапанных ногтями ладонях. – Господи, тебя что, – она выпучила глаза и дрожащим голосом, прикрывая рукой рот, на выдохе произнесла шепотом и по слогам, – изнасиловали? – в ее взгляде застыли слезы.

– Нет, что ты, – поспешила я ее успокоить, – это я ползла, спасаясь от немца.

– Какого немца? – Глаза ее стали размером с блюдце из кофейного сервиза, – прости, но я ничего не понимаю.

– Это ты меня прости, – начала я приходить в себя, – просто я такое пережила, – и я поведала ей все события сегодняшнего вечера, точнее мои шпионские подвиги, про ужин с Сашей я упоминать не стала, просто я совершенно забыла об этом факте, настолько он сейчас был неважен для меня. Ира терпеливо слушала, хотя в какие-то моменты я замечала, что ее распирает от рвущихся вопросов, но она героически держала себя в руках, ожидая конца моего рассказа.

– Ну вот, потом я проползла под всеми балконами, что объясняет мой плачевный внешний вид, и окольными путями, чтобы никто меня не увидел, пробралась к нашему бунгалу, – я улыбнулась, весьма гордая собой.

– Ничего себе, – Ира, по-моему, все никак не могла сопоставить описанные события со мной. Мы уже, кажется, сто лет были подругами, и самым значимым по авантюренности поступком моей жизни был переход дороги на красный свет, ну и, может быть, в юношеские годы проезд без билета, то есть «зайцем», в автобусе. Не удивительно, что сейчас выражение ее лица выдавало некоторую тень сомнения в правдивости моей истории. Тогда я полезла в карман за неоспоримым доказательством – флешкой – которая должна была закрепить мой триумф в глазах подруги. Карта памяти, на мое счастье, никуда не исчезла, и я продемонстрировала ее Ире.

– Вот! Сюда я записала ту таблицу, которую так тщательно изучал немец, – положила я плоский, маленький, красный, пластмассовый футляр на ладонь подруги.

– Молодец, – с уважением в голосе, которое, словно самая лучшая похвала, потешило мое самолюбие, произнесла она, – а что за таблица?

– Сама не знаю, разбираться было некогда, – я пожала плечами, – но не могла же я уйти из номера после всего, что мне пришлось проделать, с пустыми руками. – Завтра утром сходим в интернет-кафе и узнаем, мы же не брали ноуты с собой.

– Точно, – согласилась Ира, – так и сделаем, а потом адвокату расскажем.

– Потом видно будет, – авторитетным тоном произнесла я, – вдруг там какая-нибудь ерунда, которая ничем Альбине не поможет. – Я всегда себя настраиваю на худшее, чтобы не очень огорчаться в случае проигрыша, и с удвоенной радостью принимать победу.

Мы поговорили еще какое-то время, потом по очереди приняли ванну. Ира, которая весь день ничего не ела, заказала себе в номер салат и сэндвич, в нашем отеле предоставлялась

такая услуга, но оплачивалась она дополнительно и довольно высоко. Я же с ног валилась от усталости, и так и не дождавшись, когда ей принесут ее блюдо, чтобы своим присутствием составить ей компанию за столом, ушла в свою комнату и моментально уснула.

Каждое утро на курорте обычно походит на предыдущее. Дни, когда ты в отпуске где-нибудь у моря в жаркой стране, почти всегда начинаются одинаково, и всегда с прекрасного настроения, ведь стоит только раскрыть жалюзи, как комнату в ту же секунду заливают яркий солнечный свет. Можно распахнуть дверь на улицу и услышать шум моря. Легкий ветерок, если на этот раз вам повезло с такой роскошью, ласково перебирает волосы, когда выглядываешь в окно, чтобы улыбнуться еще не обжигающим ранним солнечным лучам. Близкое расположение нашего бунгало к береговой линии, позволило мне этим утром, стоя на балконе с обращенным к небу лицом, вдыхать полной грудью уникально целебный для организма морской воздух, который, согласно данных медицинских справочников, в эти минуты обогащал мои легкие кислородом, озоном, полезными солями и минералами. Если верить легендам, сам Гомер, сочинял свои бессмертные античные стихи, сидя на берегу моря, под шум беснующейся у берега воды, укладывая в ритм волн строки своих поэтических сказаний. И я, подобно этому древнейшему гению литературы, поддавшись вдохновению, дарованному мне близостью морской стихии, принялась тасовать в голове нехитрый пасьянс. Только состоял он не из слов, прекрасных как музыка и чувственных как любовь, а из известных мне на сегодняшний момент фактов, которые привели к заточению моей подозреваемой в убийстве подруги в тюрьму и информации, которую следовало выяснить, чтобы вызволить Альбину на свободу.

В итоге я составила следующий план действий на сегодняшний день. Во-первых, необходимо было у Иры выяснить имена всех до одного участников ночной прогулки на яхте. Потом надо будет поговорить с каждым, чтобы узнать, кто, что запомнил из того вечера. Я надеялась, что, может быть, всплывет что-нибудь подозрительное, какие-нибудь нестыковки в рассказах, за которые можно будет ухватиться и, что уж казалось совсем не реальным, выйти на след настоящего убийцы. Во-вторых, стоило поближе выяснить про самого убитого Али. Была ли у него семья, где он жил, как давно работал в отеле. В общем, план-то я составила, но, сама сильно сомневалась, что люди будут со мной откровенны тем более, что все они иностранцы, не думаю, что в совершенстве владеющие английским и немецким языком, а значит, преграды на пути расследования множились. Но самое главное было немедленно выяснить, ради чего я так вчера рисковала. Я решительно вышла из комнаты и постучала в дверь Иры. Она уже тоже успела проснуться, приняла душ и встретила меня с мокрыми волосами, завернувшись в полотенце. Мы быстро собрались и почти бегом направились в ресторан, чтобы позавтракать и пойти на поиски интернет-кафе. Выпив по чашке кофе со сдобными булочками, сыром и маслом, мы отправились к столу администратора. Симпатичная девушка совсем не похожая на турчанку улыбнулась нам широкой улыбкой. За ее спиной, за компьютерами трудились еще несколько человек, судя по одежде, все они были администраторами, контраст в их внешности позволил мне предположить, что они приехали из разных стран и общалась с туристами своей страны. Я подумала, что девушка у стойки, которая приветливо на нас смотрела, скорее всего, русская, уж очень славянской была ее красота: длинные русые волосы, собранные в строгий хвост, голубые глаза, чуть полноватые розовые губы; но заговорила я с ней, боясь ошибиться, все-таки на английском языке, ведь он везде считается международным и логично, на мой взгляд, общаться на нем. Я попросила ее рассказать нам, как найти интернет-кафе, она внимательно выслушала, и, подтвердив мои предположения, по – русски объяснила, как пройти в зал с компьютерами.

Мы спустились на подземный этаж отеля, в котором, оказалось, было много всевозможных развлечений: зал игровых автоматов, библиотека, бильярд, боулинг, еще какие-то комнаты, до которых мы просто не дошли, даже каток, который выглядел как восьмое чудо света,

настолько экзотическое впечатление производил он на изнывающих от жары вне гостиницы отдыхающих, и, наконец, наш компьютерный зал, который был абсолютно пуст, не считая сидящего в углу и следящего за порядком работника отеля.

Мы приобрели у него карточку, по которой за десять долларов могли целый час пользоваться услугами. Трясущимися от нетерпения руками я воткнула флешку в специальный отсек, выбрала ее в меню компьютера, и мы вдвоем с Ирой уставились немигающими взглядами в монитор. На нашу радость, таблица открылась, но сначала мы никак не могли разобрать, что в ней за информация. Все было на немецком языке, первые несколько страниц просто исписаны столбиками каких-то цифр и сокращений слов. Листа с пятого пошли анкеты. Сначала мужские, с каждой фотографии на нас смотрели очень симпатичные по восточным меркам молодые мужчины, фотографий в анкетах было по две: портрет и фото в плавках в полный рост. Рядом располагались данные о возрасте, что-то о роде занятий, адрес то ли домашний, то ли какого-то отеля, и телефон. Мы прокручивали анкету за анкетой, вдруг Ира схватила меня за руку.

– Подожди, верни чуть назад, – попросила она.

Я проделала, что она просила, и нам открылось смутно мне кого-то напоминающее лицо.

– Постой, это же Турхан, с которым мы были на яхте, – с волнением в голосе произнесла подруга.

– Точно, мне он то же теперь кажется знакомым, а он кто?

– Вроде говорил, что работает здесь аниматором, и ведет еще какую-то группу борьбы или что-то в этом роде, – Ира взяла мышку из моих рук и подвинула курсор в сторону, чтобы посмотреть, что написано в правой части анкеты. Оказалось, что параллельно мужским анкетам, велись данные, которые, на первый взгляд, нам ничего не сказали. Какие-то женские имена, кое-где с фамилиями, дальше страна и телефон. К анкете Турхана прилагалось десять имен. Мы переглянулись с Ирой и стали просматривать дальше. Чуть ниже я обнаружила фото Сулеймана, того самого, которого вчера отругал у беседки немец. Около коротких сведений о нем, тоже содержалось информация о каких-то восьми женщинах. Мы чуть быстрее стали просматривать файл и в самом конце увидели фото Али, по крайней мере, Ира утверждала, что это точно он. Вдруг в полной тишине раздался хлопок. Мы вздрогнули от неожиданности, подняли головы по направлению шума, и увидели какого-то мужчину, который только что вошел в зал, и звук был вызван был всего лишь захлопнувшейся от сквозняка дверью. Я напрягла глаза, так как мужчина был довольно далеко от нас, и к своему ужасу узнала в нем вчерашнего немца. Я метнула взгляд в поисках работника, но тот, судя по всему, куда-то вышел, немец же, злобно ухмыляясь, двинулся в нашу сторону. Страх, словно ледяной рукой, схватил меня за горло, я прошептала Ире, что это он, быстро закрыла таблицу и открыла Интернет, в душе молясь всем богам, чтобы скорость у него была достаточная, и мы успели открыть какую-нибудь безобидную страницу. Ведь я была уверена, что немец не преминет заглянуть в наш монитор, чтобы убедиться, что это не мы похозяйничали вчера в его номере. Экран все еще оставался белым, набранный мной в строке поиска адрес все никак не отыскивался, зеленые квадратики внизу экрана, свидетельствующие о скорости работы сервера, слишком медленно набирали обороты. Немец был уже в паре столов от нас. Я дрожала как осиновый лист, вдруг Ира преувеличенно радостным тоном, воскликнула:

– Ой, Варь, представляешь, а он мне прислал письмо, – она вскочила и захлопала в ладоши, – ура, – она изобразила подобие гопака, выделявая немислимые коленца ногами. Немец остановился в нерешительности, не сводя зачарованных глаз с груди моей красавицы – подруги, которая покачивалась в такт ее незамысловатым движениям. На наше счастье, приближающийся к нам мужчина, вел себя, как стопроцентным бабник, который при виде соблазнительных форм моей подруги моментально потерял голову, а вместе с этим позабыл о первоначальной цели своего визита. Пока Ира выделялась, изображая бурную радость по поводу

получения несуществующего письма, немец полностью переключился на созерцание ее легкомысленного танца. Его голова то поднималась вверх, то опускалась вниз, в зависимости от колыханий тела Иры. В этот момент нужная страница, наконец, открылась. Пользуясь отвлеченностью мужского взгляда, я быстро набрала адрес своей почты. К моей несказанной радости, уже через секунду открылась папка с входящими письмами, и, едва, Ира заметила это, как в едином порыве завершила свою свистопляску и, как ни в чем не бывало, плюхнулась обратно на стул, одарив онемевшего от вожделения немца своей самой обворожительной улыбкой. Бедный мужчина весь вспотел, конечно, он с трудом себя сдерживал, поэтому, первоначальный план, проверить, что там мы разглядываем, он сменил на приглашение Ирине приятно провести вечер. Я обратила внимание, что, несмотря на обстоятельства, голову окончательно он не потерял, и все же, как бы ненароком, бросил взгляд на наш монитор, где к всеобщему удовольствию была открыта безобидная почтовая страница, и никаких подозрительных файлов внизу экрана не обозначалось. Немец продолжительное выдохнул, видимо, собираясь с мыслями, и вернулся к обхаживанию Иры. Но та совершенно не знала немецкого языка, поэтому непонимающе хлопала своими фантастически длинными ресницами и полным наивности взглядом смотрела на настойчивого кавалера. Я тоже изобразила непонимание и только развела руками, когда немец обратился за помощью в деле перевода ко мне. Он совсем расстроился, взял из принтера, который мы раньше не заметили, листок бумаги и что-то написал на нем. По тому, как энергично он жестикулировал, что-то изображая у уха, я поняла, что это номер его телефона. Ира, все также загадочно улыбаясь, взяла листок, сложила по полам и убрала в карман, позволив на прощание немцу поцеловать ее руку. Он жадно припал к ней всем своим потным лицом, я почувствовала дурноту при виде этого и отвернулась. Моя верная подруга держалась до конца, только мне показалось, что еще минута и ее улыбка превратится в оскал. Немец поохал какое-то время, порасточал ей пошлые комплименты, обильно сопровождая их слюнявыми воздушными поцелуями, и ушел, полный надежды на продолжение знакомства с моей подругой. По дороге он принялся кому-то звонить, но слов, которые он произносил в трубку, с нашего места разобрать было невозможно. Едва за ним закрылась дверь, как я вернула файл с флешки на прежнее место, выделила всю, находящуюся в нем информацию и послала на печать. Компьютер выдал какое-то протестующее сообщение, что печать временно невозможна из-за занятости сетевого сервера. В этот момент вернулся смотрящий за компьютерным залом работник. Я подбежала к нему, сбивчиво объяснила на английском нашу проблему, он сообщил, что каждый лист распечатки стоит доллар, я согласилась на все условия, оставила аванс в сто кратном размере, вернулась за наш компьютер, уменьшила масштаб, чтобы не израсходовать целое состояние на эту информацию, которая вообще могла нам не пригодиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.